

ЭО, 2009 г., № 2

© Н.А. Криничная

КРАСНЫЙ УГОЛ: ОБ ИСТОКАХ И СЕМАНТИКЕ САКРАЛЬНОГО ЛОКУСА (по севернорусским материалам)

Угол избы в народных представлениях нередко служит метонимическим эквивалентом жилища: "Сведем домик в один уголок" (*Даль* 1957: 591). Если изба может быть "свернута" до размеров угла, то в других случаях, наоборот, угол расширяется до масштабов дома и далее: "Свой уголок – свое уголье" (Там же). Об отождествлении угла с жилищем свидетельствуют и фразеологизмы "иметь свой угол", "срубить себе угол", "скитаться по чужим углам". Более того, понятие "угол" имеет расширительное значение, приравниваясь к концепту родной земли. Вспомним пушкинские строки: "Вновь я посетил тот уголок земли...". Как видим, здесь само мироздание приравнивается к жилищу: у него имеется родной для человека "уголок". Четырехугольный сруб, являющийся основой всех построек, связан в углах врубками. Четырьмя углами отделяется от внешнего мира пространство, отводимое под жилище. Ими обозначаются главные точки, где сходятся стены дома. Предполагается, что сруб, образованный венцами бревен и тем самым уподобленный кругу, должен быть непрерывным. Именно поэтому углы, называемые в диалектах "сутками", "суточками", "сутычками" и являющиеся местом стыковки бревен, согласно народным представлениям, находятся под особой защитой мифических существ. Уже в середине XIX в. Д.О. Шеппинг заметил, что "углы как самые крайние конечности дома" подлежат особому покровительству домового (*Шеппинг* 1862: 52). По сути, аналогичного мнения придерживался и А.Н. Афанасьев, утверждавший, что углы, определяющие границы дома, "состоят под охраною родовых пенатов" (*Афанасьев* 1994: 111), обеспечивая замкнутость находящегося под их покровительством жилого пространства. Об общеславянском характере отношения "к четырем углам дома как к сакральному месту, чаще всего как к месту пребывания домашнего духа – домового либо душ предков" пишет уже в наше время акад. Н.И. Толстой (*Толстой* 2003: 280). Более расширительное значение в семантике данных локусов выявляет В.Н. Топоров. По мнению ученого, в этих точках нередко локализуются "малые", или периферийные, мировые деревья, божества, в которых, в частности, персонифицируются страны света, разного рода эмблемы, подчас восходящие к основным космическим элементам или стихиям (*Топоров* 1980: 630). Из сказанного следует, что эти локусы отличаются особой семантической насыщенностью.

Вместе с тем в последнее время в освещении данной темы обозначилась и иная точка зрения. Справедливости ради надо сказать, что она касается не всех четырех углов, а лишь одного из них, красного угла. (Заметим, что вопрос о правомерности подобного обособления остается открытым.) Так, в недавно опубликованных статьях А.О. Слудняков утверждает, что гипотеза об унаследовании красного угла от языческих времен представляется недостаточно обоснованной. Вслед за А.Л. Топорковым (*Топорков* 1985: 226) он высказывает мнение, что этот угол "скорее связан с христианской тради-

цией иконопочитания, нежели с язычеством" (Слудняков 2005: 255; 2006: 87). Совершенно очевидно, что вопрос об истоках и семантике данного сакрального локуса нуждается в дополнительном рассмотрении, и прежде всего по следующим параметрам: ритуальное, этикетное и функциональное назначение углов избы; красный угол в контексте ритуала почитания четырех углов; красный угол и другие углы в свете обряда принесения строительной жертвы при закладке жилища; проявление семантики красного угла и других углов крестьянской избы в декоративно-прикладном и вербальном народном творчестве; адаптация архетипов, сформировавшихся в традиции применительно к угловым опорным столбам (вариант: к центральному столбу) жилища, к новым условиям, связанным уже со срубными постройками.

Рассмотрение обозначенных параметров возможно лишь при комплексном подходе с привлечением данных фольклора, этнографии, искусствоведения, археологии, истории архитектуры, лингвистики. Основной предпосылкой в наших размышлениях является универсальный для народного искусства закон преемственности, в соответствии с которым всякое новое служит лишь трансформацией, переосмыслением старого, вытесняя из выработанной традицией "ячейки" то, что себя изжило, и занимая его место в прежних пределах.

Соблюдая ритуал почитания четырех углов, хозяева при входе в новый дом, по заведенному здесь обычаю, "в каждом углу кланялись, спрашивались" (АКНЦ 109: № 73. Беломорский р-н, 1977), лишь изредка исключая северный угол в силу его отрицательных ценностных характеристик (Там же 192: № 148. Кондопожский р-н, 1989).

Каждый из углов крестьянской избы символизирует функциональное назначение связанных с ними частей жилища, развивавшихся впоследствии в самостоятельные помещения, выделившиеся из единого жилого пространства. В народной терминологии сохранились первичные наименования отдельных углов избы соответственно их значению в крестьянском быту. Так, против устья печи, обращенного к передней, лицевой, или фасадной, стене помещался *бабий кут*, служивший местом приготвления пищи; по диагонали от устья печи – *красный угол* со столом и иконами; у задней стены, у входной двери, располагался хозяйственный кут, или *коник* (конник, койник); за печью (в том случае, если за ней оставалось свободное пространство), согласно некоторым севернорусским локальным традициям, зафиксированным в деревнях, раскинувшихся на берегах рек Онеги, Пинеги, Мезени, – *жернов-угол*, используемый как место ручного помола зерна (Маковецкий 1962: 80, 97, 103). В других локальных традициях наименования углов у задней стены могли варьироваться.

Общеизвестно, что первым и наиболее значимым в мифоритуальном и этикетном плане считался *красный*, или *большой*, *старший*, *верхний*, *передний*, *святой*, *божий*, угол. В древнерусском языке слово "красный" имело множество значений: красивый, прекрасный; очень хороший, превосходный; дарующий радость, благодатный; главный, передний; наиболее ценный и др. (СРЯ 1981: 19–20). *Красным* главный угол называется в том же значении, что и *красное* солнышко, *красное* окно, *красное* крыльцо: "Принимают, за обе руки берут да в красный угол сажают" (*Даль* 1991: 468). В народной поэзии этот угол чаще называется *большим*, *передним*, *почетным* (*почетным*, *почётным*, *почестливым*): "Да как проходи ты, проходи, / Милой, во большой угол..." (АКНЦ 53: № 73. Беломорский р-н, 1963).

Характерно, что в некоторых местных традициях Карелии он так и называется "первый угол" и даже "самый главный особ угол" (Там же 201: № 141, 275. Пудожский р-н, 1993). В общерусской традиции зафиксированы и другие названия этого локуса: *кут*, *тябла*, *зябло*, *часовни*, *божницы*, *киоты* (Цеханская 1997: 75).

Сведения о наличии красного угла в древнерусской традиции исследователи относят ко времени не позже XIII в. Однако красный угол как место локализации домашних божеств мог сакрализоваться задолго до принятия христианства.

В традиционном жилище красным углом определялось пространство, занимаемое собственно избой. На Русском Севере печь обычно стояла у задней стены, справа или слева от входной двери, что и предопределяло расположение красного угла у передней стены, а вслед за тем и его наименование "передний". В том же случае, когда печь располагалась ближе к середине боковой стены, как это зафиксировано в вельских и шенкурских деревнях Архангельской обл. или в тотемских деревнях Вологодской обл., то красный угол вместе со столом и иконами оказывался в локусе стыковки противоположной боковой и задней стен (*Габе* 1955: 84). "Западный южновеликорусский план с *передним углом у двери* (курсив мой. – *Н.К.*) распространен в верховьях р. Ваги и по притокам ее в этой части в пределах Вологодской и Архангельской областей и к востоку от оз. Кубенского (Вологодская обл.)", – констатирует Е.Э. Бломквист (*Бломквист* 1956: 236). Одним словом, красный угол мог оказаться в любом углу, кроме занятого печью, хотя предпочтительным для него является стык передней и правой боковой стен. Как справедливо отмечает А.К. Байбурин, красный угол "если не реально, то условно (через образа) ... сориентирован на восток или юг" (*Байбурин* 2005: 176). Иначе говоря, в тех случаях, когда красный угол на самом деле не был восточным или южным, он все равно воспринимался как таковой. Однако, на наш взгляд, ориентацию красного угла символизируют не только христианские, но и сугубо языческие атрибуты. Об этом, в частности, свидетельствуют четыре резных знака солнца, нанесенных по углам двух горизонтальных досок божницы, расположенной в красном углу и обнаруженной в Медвежьегорском районе Карелии (*Вишневецкая* 1981: 8. Рис. 5).

К красному, или переднему, большому, святому, углу в важнейшие моменты суточного, годового или жизненного циклов смещается духовный центр традиционного крестьянского жилища. На лавке в этом углу под образами садился старейший среди сородичей, почетный гость, священник, колдун, новобрачные после венца: "И садите вы ево... / *Во передний угол* / Под светлые образа / Свечи воскояровья. / *На почтенное место*" (*Ордин* 1896: 80–81). Или: "Он садил гостей по лавкам, / А сам садился в *большой угол*" (здесь и далее курсив мой. – *Н.К.*) (*АКНЦ* 51: № 269. Кемский р-н, 1964).

Приближенность к красному углу или отдаленность от него зависела от соответствующего положения индивида в социальной иерархии, определяемой в данном случае степенью причастности к роду:

Кто родом поближе,
Того садите повыше ...
А вы, полюбовные гости, садитесь,
На нашего хозяина
Не гневайтесь, не сердитесь:
Всех вас в *передний угол* не посадить (*Ордин* 1896: 81).

В красный угол усаживали и обладателя магических способностей, вершителя человеческих судеб: «"Что это у вас за старик в большем углу сидит? Крестной отец, или кто?" – "Нет, это, – говорит, – колдун у нас". Значит, это в Морской Масельге, его на почетное место садили» (*АКНЦ* 142: № 15. Медвежьегорский р-н, 1980).

В этом объемно-планировочном локусе исполнялись обряды, связанные с жизненным либо календарным циклами, равно как и с апотропейной либо продуцирующей магией, о чем обстоятельно писали этнографы (*Байбурин* 2005: 176–187; *Логинов* 1992: 101–106). Нас же в первую очередь интересует совокупность представлений, сконцентрированных вокруг красного, как и других углов крестьянской избы, и соотношенных с вербальными или изобразительными формами их проявлений.

Красный угол – место своего рода "стыковки" языческих божеств с соответствующими христианскими персонажами (иконами), равно как и их сакральных атрибутов,

принадлежащих к языческой или христианской обрядности. С одной стороны, в красном углу, в божнице, за иконами, согласно севернорусской традиции, хранились антропоморфные деревянные скульптуры – "панки", почитаемые в качестве изображений предков и устанавливаемые в определенные праздники на столе для участия в общей семейной трапезе (*Бабаянц* 1977: 113). Это могло быть, например, в поминальные дни накануне Масленицы (родительская суббота мясопустная), на Пасху, во вторник послепасхальной Фоминой недели (Радоница, Радуница), в семик, в Троицкую субботу, в Дмитриевскую родительскую субботу и в другие дни. Подобные антропоморфные фигурки напоминают все тех же идолов, нередко встречаемых археологами в древних горизонтах культурного слоя русских городов, в частности Великого Новгорода, и обычно называемых ими "домовыми" (*Колчин, Хорошев* 1978: 171). Мало того, в декоре самой божницы подчас обнаруживаются пластические формы зооморфных фигур, через которые, быть может, раскрывается смысл некогда имевших здесь место, но впоследствии навсегда утраченных адекватных изображений. Так, например, на боковых дощечках божниц в Вологодской и Новгородской губерниях были в середине XIX в. зафиксированы резные (пропильные) изображения конских голов (*Суворов* 1863: 171). Они, подобно орнаментальным фигурам коней в трехчастной композиции вышивки, фланкируют изображение божества.

Языческую символику продолжают сохранять и орнаментированные полотенца, отражающие дохристианские представления, но используемые для украшения икон. Как справедливо пишет А.Н. Афанасьев, "нельзя сомневаться, что в более древнее время место их (икон. – *Н.К.*) аступали священные изображения пенатов" (*Афанасьев* 1994: 118). С учетом накопленных в последнее время материалов эту мысль подтвердил и развил акад. Б.А. Рыбаков: «... расположенная в красном углу христианская божница XIX – начала XX в. с ее набором икон оказалась примером двоеверия, сосуществования церковных изображений, заимствованных тысячу лет тому назад, с древними символами, идущими из значительно более глубоких пластов времени. Если бы мы убрали из такого киота диссонирующие с ним иконы, то оставшаяся символическая орнаментика, вышитые набожники с языческими богинями были бы вполне пригодны для размещения в божнице древнего "кутного бога", "беса хороможителя" – домового» (*Рыбаков* 1987: 498). Во всяком случае, следы дохристианских верований в народном иконопочитании были замечены уже в XIX в. (*Балов* 1891: 218–222). При этом, добавим, и на самих христианских святых в значительной мере был перенесен культ языческих божеств. В свете сказанного неудивительно, что локализация икон именно в красном углу хотя и сложилась, надо полагать, довольно поздно, но со временем оказалась довольно устойчивой. Да и большинство из хранящихся в красном углу, в божнице, или киоте, "христианских" атрибутов (богоявленская вода, освященная верба, пучки троицких берез) изначально не были таковыми.

Почему же именно красный угол маркирован чаще других углов знаками "пенатов", "кутного бога", "беса хороможителя", а подчас и попросту домового? Ответ следует искать прежде всего в плотничьих обрядах, и особенно в обряде принесения строительной жертвы при закладке первого венца – "обложейного". Такая жертва могла быть животной или растительной, а на определенном этапе, в условиях антропоморфизации почитаемого предка, и человеческой. Ее принесение обычно начиналось с того конца, где впоследствии будет красный угол. На смену человеческой, но уже в новом качестве пришла заместительная жертва, и опять-таки животная или растительная, нередко предметная, сохранившая за собой, однако, символику изначального прототипа. Так, животная жертва могла заменяться соответствующей формы сосудами. Со временем обряд принесения строительной жертвы трансформировался в имитацию, что стимулировало его вытеснение не всегда объяснимым обычаем.

В Древней Руси, судя по археологическим материалам, наиболее часто при строительстве жилища приносили в жертву коня, почитаемого у славянских народов в каче-

стве священного животного. Так, в Старой Руссе была обнаружена закладка четырех лошадиных черепов по углам нижнего венца дома-пятистенки, датируемого XII в. (Медведев 1978: 23–24). Именно в этом плане интерпретируются и находки конских голов под срубами домов, обнаруженных археологами в древнем Новгороде и относимых ими к слоям X–XIV вв. Все эти черепа, поставленные на шейное основание, были закопаны "близко от какого-либо угла постройки: в 5 случаях – от юго-западного, в 3 случаях – под северо-восточным, в 1 случае – под северо-западным" (Седов 1957: 26). Свидетельством живучести этого языческого обряда даже в период господства христианского вероучения, притом в условиях города, является "череп коня, обнаруженный под юго-восточным углом фундамента каменного терема конца XIV или начала XV в.", открытого на Ильинском раскопе в Великом Новгороде (Миронова 1967: 222). Наряду с этими черепами археологи находят в фундаментах зданий и деревянные ковши, в той или иной мере воспроизводящие облик животного, принесенного в жертву (Седов 1957: 30). Это подтверждается и искусствоведами: "У новгородских славян вплоть до XIV века сохранялись жертвенные ковши в виде зверей и птиц, которые клались в основание дома Обычно схематически изображаются лишь головы коня, быка или петуха, имеющие геометризованную, силуэтную форму, конструктивно оправданную в качестве рукоятки" (Чекалов 1962: 16). Со временем аналогичную символику имело укрепление конского черепа на колу, локализованном с наружной стороны угла постройки.

Реминисценции представлений о конях, некогда приносимых в качестве строительной жертвы, сохранились в декоративном убранстве севернорусского жилища, как бы выводимого из плоти этой жертвы (Байбурич 2005: 78). Знак-символ коня чаще проявляется в скульптурном завершении охлупня – своего рода "головы" дома, тем более что в качестве такового ранее использовался реальный конский череп. Этот зооморфный знак закодирован и в суммарном наименовании охлупня – "конек". Внешними проявлениями принесенной при строительстве жилища жертвы служат и подчас оформленные в виде конских голов "курицы" – скульптурно обработанные "окручья", изготовленные из корневища и прикорневой части ствола нетолстой ели, естественно изогнутые под прямым углом и укрепленные на слегах, лежащих на стропилах. Этими конструктивными деталями традиционной безвозводной кровли народного жилища поддерживались скаты тесовой кровли и колоды "потоков", в которые упирались торцы теса. Очертания конских голов изредка встречаются и на крайках причелин – резных досок, прикрывающих наружные торцы горизонтальных бревен сруба, образующих подкровельную конструкцию, совмещающих практическую и декоративную функции (подробнее см.: Криничная 2001: 132–133).

Символ лошади, череп которой некогда зарывали под углом жилища, неоднократно дублируется и во внутренних формах крестьянской избы: на боковых дощечках божниц, а иногда и на боковых стенках стола, в оформлении печного столба и "коника" ("конника", "койника") – широкой короткой лавки в виде ларя с задвижными дверями, где обычно хранились упряжь и инструменты для ее починки и изготовления. Свободный конец этой скамьи, расположенной у задней стены, у входа, встраивался в стояк – толстую тесину, которая, соответствуя ширине лавки и составляя боковую стенку ларя, возвышалась над ним примерно на 35 см, отделяя лавку от входной двери. Верхней части стояка как раз и придавалась форма конской головы, откуда, вероятно, и происходит название этой лавки (Бломквист 1956: 213). Соответственно в некоторых севернорусских деревнях связанный с ней хозяйственный кут получил наименование "коник" (Маковецкий 1962: 97) или "подпорожье" (Зеленин 1991: 303). Знаковый характер этого локуса обнаруживается в приобщении к нему людей, переживающих "пороговое" состояние. По данным, зафиксированным в 1927 г. в деревнях близ г. Вятки, "садиться женщине на коник считалось неприличным. Если же в доме кто-нибудь заболел или была рожица, то больного помещали на конике и завешивали зана-

весом" (*Бломквист* 1956: 214). Здесь же, согласно свадебному причитанию, находила пристанище и невеста: "Я найду себе мистецько / *Под порогом у концецька*" (*Балашов и др.* 1985: 109).

Лишь в редких случаях в этом локусе, по рассказам и поверьям, появляется мифическое существо: войдя в избу, оно останавливается у двери "на конику". Обычно же это место хозяина дома.

Появление изображения коня на предметах декоративно-прикладного искусства археологи относят еще к I тыс. н.э. (*Рыбаков* 1953: 53, 55, 65, 67). Неудивительно, что в жилище, издавна насыщенном "конскими" знаками-символами, согласно мифологическим рассказам, воочию может появиться не изживший лошадиных признаков домовой. В одной из быличек он на правах "хозяина" не позволяет женщине уходить из новокупленной избы в прежнюю: "А вот здесь только как на улицу пойду, тоже не спускат, *жеребенок будто*. Дак чтобы... чтобы жила в домову" (АКНЦ 184: № 10. Пудожский р-н, 1977).

Передний угол или все четыре угла строящегося жилища часто освящались кровью принесенных в жертву петуха или курицы. Другие же птицы (утка, лебедь, голубь), также почитаемые в народных верованиях славян, использовались для этой цели, насколько нам известно, редко. Поскольку кровь в древних верованиях осмысливается как средоточие души, то окропленные ею углы постройки, как и все жилище, обретают душу. Описывается случай, когда хозяева, придя перед закладкой первого венца на место, где будет располагаться передний угол, отрубая у петуха голову и зарывают ее здесь в качестве строительной жертвы (*Афанасьев* 1994: 109–110). Вариант: при закладке первого венца закапывают куриную голову *под главным углом* (*Машкин* 1862: 84; *Зеленин* 1937: 28). Семантика обряда обусловлена определенной причинно-следственной закономерностью: из плоти жертвы возникает жилище, а из ее души – дух-хозяин, обеспечивающий прочность дома и благоденствие его обитателей.

Облик принесенной под главным углом жертвы в своих рудиментарных формах и на этот раз проявляется в декоре традиционной крестьянской избы. Орнитоморфные знаки-символы прослеживаются в очертаниях охлупня и стержней, стягивающих его с князевой слегой. Они узнаваемы в одном из вариантов скульптурной обработки уже упоминавшихся ранее "куриц", название которых говорит само за себя. В этой связи представления о сказочной избушке "на курьей ножке, на петушьей головке" можно считать не такими уж беспочвенными: они вполне соотносятся с концепцией выращивания постройки из плоти жертвы и обретения этой постройкой своего духа-хозяина (в данном случае – Бабы-яги). О принесенной при строительстве дома птичьей жертве напоминают и некоторые формы убранства жилища. К числу таких фигур, по мнению С.И. Дмитриевой, относится распространенная в севернорусских деревнях щепная, т.е. изготовленная из расщепленного веером соснового или березового бруска, птица наподобие голубя. Подвешенная в красном углу перед образами или над обеденным столом, она вращалась вокруг своей оси от движения восходящего теплого воздуха. Вследствие христианизированных представлений этот "голубок" был осмыслен как символ Святого Духа (*Дмитриева* 2006: 32). Некий, еще языческий, смысл таят в себе и вышитые на полотенцах священные птицы, отнюдь не случайно соседствующие в красном углу с христианскими покровителями жилища и, несомненно, стадильно предшествующие последним.

Персонажам народного декоративно-прикладного искусства в известном смысле соответствуют вербальные образы, в которых закодирована все та же идея заполучения духа-покровителя для возводимого здания. В дошедших до нас фольклорных текстах обряд принесения строительной жертвы заменен, по сути, его имитацией. Жертвенное животное уже не убивают и не закапывают под углом жилища – его *первым*, еще до вселения хозяев, впускают в новый дом: и здесь имеет место все та же магия начала, восходящая к представлениям о первотворении и о возможности все но-

вых и новых воспроизведений этого акта. Имитируя вселение мифического "хозяина" в новое жилище, крестьянин, по одной из версий, помещает петуха, как и дежу с тестом, именно в красном углу (*Шейн* 1902: 334). По поведению птицы узнают, насколько благоприятной будет жизнь на новом месте. Реальное животное, прежде всего петух, некими неисповедимыми путями оказывается медиатором между различными пространственно-временными континуумами. Он выступает в роли домового, как носитель или атрибут его волеизъявления, предопределения и прорицания: "А муж берет петуха и за печку, в корзину или во что-нибудь, ложат. Если петух будет петь вовремя, ну, жизнь там хороша будет... Будут жить хорошо. (Собиратель: Петух, выходит, как бы первым хозяином дома был?) – Да, да" (АКНЦ 127: № 1. Беломорский р-н, 1968). Или: "Петуха вперед спустила. Петуха только спустили – он во всю глотку (запел). Ну, я говорю, хорошо" (Там же 136: № 75. Прионежский р-н, 1977). Иногда вместе с петухом в новопостроенный дом впускают и кошку. На основе совокупности данных, зафиксированных в различных этнокультурных традициях, можно утверждать, что кошки использовались в качестве строительной жертвы наряду с курами, петухами, собаками, овцами, козами, свиньями, быками, лошадьми (жеребьятами), лягушками, змеями и прочими животными (*Зеленин* 1937: 24–25). В севернорусских мифологических рассказах кошка обычно дублирует роль петуха: "Я вот удивляюсь. Принесла кошку и та поняла, что пришла на свежее место. Даже никогда она хоть ревконула, хоть разочек чтобы потосковала либо что-нибудь..." (Там же). Фольклорная коллизия, прежде соотнесенная с обрядом принесения строительной жертвы, на этот раз трансформировалась в примету.

Семантика концепта "красный угол" определяется не только животной, но и растительной жертвой. Отголоском этой версии обряда служит обычай устанавливать в переднем углу строящегося жилища "зеленую ветку как символ здоровья хозяина и его семьи" (Он же 1991: 315), ниспослание которого как раз и приписывается прежде всего домовому. Обычай ставить в передний угол сруба при закладке дома почитаемое дерево, принесенное из лесу вырванным с корнями и, вероятно, воспринимаемое как главное обиталище духа, отныне домашнего, многократно фиксировался еще в конце XIX – начале XX в. едва ли не повсеместно (*Зеленин* 1937: 49–50). Аналогичную семантику в восточнославянской традиции имеют и хвойные ветки, положенные под всеми четырьмя углами дома при его закладке (*Никифоровский* 1897: 136).

Представления же о человеческом жертвоприношении, некогда имевшем место при возведении зданий, применительно к крестьянской избе были вытеснены верованиями, связанными с культом предков и культом мертвых. Так, по рассказам, бытовавшим в вологодской д. Иглине (ранее Белозерского у. Новгородской губ.), в новопостроенном жилище крестьянина Андрея Богомола творилось нечто неладное: "кто из его семьи ни войдет в новую избу, всякий в переднем углу видит покойника". Когда сломали избу, выяснилось, что именно в этом углу, под лавкой, был вбит гвоздь от гроба (*Максимов* 1903: 189). Если гвоздь осмысляется как метонимический эквивалент жизнестойкого человека (ср. у Н. Тихонова: "гвозди бы делать из этих людей"), то гвоздь от гроба символизирует покойника. Локализацию же его в переднем углу можно интерпретировать как знак трансформации человеческой жертвы, принесенной при возведении постройки. Частным проявлением подобных верований в фольклоре служит пребывание души усопшего вплоть до захоронения покинутого ею тела именно в переднем углу, за образами, где, как мы помним, и помещались "панки". Пережиточная форма обряда принесения человеческой жертвы обнаруживается и в погребении некрещеных детей в переднем углу (*Сумцов* 1880: 83).

Приоритетная роль верхнего угла проявляется в обряде, зафиксированном во владимирских деревнях: именно в этом углу крестьяне закапывали горшок, из которого обмывали умершего хозяина избы, "чтобы не переводился домовый", тогда как анало-

гичные горшки других сородичей зарывали в разной степени удаленности от него – в зависимости от их иерархического места в семье (Толстой 2005: 279).

Ту же приуроченность сохраняет и еще одна разновидность обряда принесения строительной жертвы, закодированная в общерусской традиции. Под передним углом ночью закапывают предварительно разбитый горшок, в котором из старого в новое жилище принесли угли, осмысляемые как эманация духа-хозяина, высыпав их в печурку на новом месте (Афанасьев 1994: 115–116; Сахаров 1849: 54–55). Такой горшок, по сути, эквивалент погребальной урны с прахом сожженного предка.

Заметим, что христианизированной трансформацией человеческого жертвоприношения можно считать обычай, сложившийся в сербской традиции: под фундамент дома принято было закапывать образ того святого, которому препоручается покровительство поселившейся здесь семье (Шеппинг 1862: 52).

Соответствующая этим представлениям антропоморфизация жилища, его плоти и духа, обнаруживается в различных видах народного творчества, вербального и изобразительного. Правда, насколько нам известно, в севернорусской традиции не зафиксированы охлупни с признаками человеческой фигуры, выступающей в качестве "головы" дома. Зато они обнаруживаются в ритмически повторяющихся объемных изображениях "мужичков" или "солдатиков", т. е. стержней-нагелей, скрепляющих колоду шелома с князевой слегой. Антропоморфные черты наблюдаются и в скульптурно обработанных столбах и балясинах крылец и балконов, в воротных столбах и конструктивных частях взъезда на повесть, поддерживающих перила, выразительно называемых "стариками". Такие столбы и балясины уподобляются "живой изгороди", состоящей из духов-покровителей. Иногда человеческая фигура просматривается в условной стилизованной пластике центрального абриса, украшающего навершие резных наличников окон. Эти декоративные объемные элементы "прибасенок" крестьянского дома могут быть соотнесены с хранящимися в переднем углу, в божнице, "панками" либо деревянным "болваном", богом-идолом, обнаруженным, например, в одной из вологодских деревень в конце XIX в. Вырубленный топором из бревна "вершков пять в диаметре и три аршина длиной", т. е. 22 см в толщину и более 2 м в высоту, с приколоченным на затылке распущенным лошадиным хвостом (знак коня!), он устанавливался в рождественский день в переднем углу, где и сберегался до следующего года (Иваницкий 1898: 65). Семантику этих объемных фигур и фигурок дублирует и печной столб (подробнее см.: Криничная 2001: 141–150). Осмыслению их как воплощений духов-покровителей соответствуют и помещенные в переднем же углу фотографии умерших родственников. В известном смысле к этому же типологическому ряду относятся и лики христианских святых, изображенные на установленных в божнице иконах.

Персонажи, сформировавшиеся в рамках народного декоративно-прикладного искусства, имеют вербальные соответствия. О восприятии "домовика" как предка, в частности, как умершей бабушки, которая при жизни была волшебницей, а после смерти стала хранительницей дома, и об отождествлении домового и покойника свидетельствуют многие бывальщины (АКНЦ 23: № 253. Пудожский р-н, 1969; 151: № 344. Кондопожский р-н, 1981; Богатырев 1916: 55). Актуализация подобного сюжета происходила по мере трансформации обряда принесения человеческой жертвы при закладке постройки в обычай, согласно которому первым в новый дом входил старший в семейно-родовой общине. Предполагалось, что он по своей кончине станет духом-покровителем данного жилища. Как и дух, заполученный посредством принесения строительной жертвы, дух первого умершего в новом жилище локализуется в переднем углу или сразу во всех углах, хотя не исключаются в качестве его местопребывания и другие части крестьянской избы. Причем рефлекс, исходящий от обряда принесения строительной жертвы либо от обычая захоронения мертвых в жилище (под порогом, под полом, под печью), некогда действительно практиковавшегося, в рамках мифоло-

гического рассказа приобретают общую семантику и вряд ли различимы между собой.

Согласно некоторым поверьям, заполучение духа-покровителя достигается и посредством предметной, заместительной, жертвы, также приносимой при закладке дома. Используя определенный набор предметов, не лишенных, по анимистическим верованиям, души и закопанных под передним углом, можно создать некое концентрированное средоточие магической силы – по сути, все того же покровителя жилища. Предметной жертвой, например, может послужить несколько монет: "Я интересовался, зачем это под сруб деньги кладут. Ну, стары люди обычно объясняли так, что, во первых, якобы место будет осчастливлено; осчастливлено, выкуплено место у тебя, выкуплено. Ну, и в жизни будет, в дом будет (счастье), как бы сказать, лучше жить будет, для лучшего это все делалось, что дом дольше простоит, сохранится якобы от невзгод там, от пожаров, ну, от разных (бедствий) – вот с этой целью" (Там же 84: № 90. Прионежский р-н, 1975). Помимо монет, сюда кладут и ячменные зерна, шерсть. Начинают подобный обряд от большого угла, следуя по движению солнца (Там же 201: № 296. Пудожский р-н, 1993). Результат "запрограммирован": по народным верованиям, в новом жилище не переведутся ни деньги, ни хлеб, ни домашний скот и благосостояние будет приумножаться.

Независимо от характера принесения жертвы, послужившей "материалом" для создания домового, он в мифологических рассказах нередко локализуется в углу крестьянской избы, по сути, персонифицируя его: "И потом ночью опять в *этом-то* углу руку протягиват. Руку-то протянуло и меня поймал за палец за большой" (Там же 83: № 11. Пудожский р-н, 1975). Мифическое существо, не персонифицируясь и едва выделившись из данного объемно-пространственного локуса, ловит женщину за большой палец своей рукой, как бы передавая ей из рук в руки нечто магическое. Такое нечто, хотя и не имеет материального воплощения, все же сказывается на благополучии живущих здесь людей, в том числе и на материальном. В случае же, если предопределение судьбы полностью обезличивается, оно превращается в предзнаменование. Причем расшифровываются лишь знаки-символы будущего, тогда как их источник не конкретизируется: "Иду, а в переднюю-то избу ка-а-ак брякнуло! В *самом-то* углу. Я пришла – замок на дому, а в доме брякнуло" (Там же 109: № 66. Беломорский р-н, 1977). Вскоре выясняется, что звуковой сигнал, посланный "углом" передней избы, – знак беды, сходной по своим акустическим параметрам с самим предзнаменованием (застрелился зять). Подобный мифологический мотив сопоставим с общераспространенным поверьем: углы дома трещат к несчастью, смерти, покойнику. Это знак предков, призывающих к себе кого-то из потомков.

О том, что звуки, доносящиеся из переднего угла, служат вестью, ниспосланной предком, "дедом", домовым, свидетельствует одна из бывальщин, зафиксированных в XIX в. в общерусской традиции. Услышанный в переднем углу стон воспринимается домашними как сигнал: "дед хочет что-то предсказать". Собравшись во главе со старшим членом семьи в тесный кружок, сородичи с дрожью в голосе спрашивают: "К добру или худу?" – и получают внятный ответ, состоящий из одного, того или иного, содержащегося в вопросе слова (*Бондаренко* 1890: 117).

Показательно, что передний угол как один из локусов домашнего духа довольно часто задействован в магических обрядах. В севернорусской традиции распространена бывальщина, в которой две девушки садятся в передний угол, где зажигают свечу, осмысляемую в народных верованиях как эманация души, духа. Третья же забирается на печь: этот локус также маркируется знаком духа-хозяина. Располагаясь спиной к переднему углу и держа перед собой зеркало, она в него смотрит на сидящих там подруг. У которой из них "рядник смешается", т. е. станет незаметным пробор в волосах, та непременно вскоре выйдет замуж. Возможны и другие проявления знаков – символов судьбы (*Куликовский* 1888: 516; *Кобырин* 1900: 2). Коллизия, связанная с перед-

ним углом, несмотря на свою устойчивость, варьируется: "Я сидела в большом угле, была коса расплетена, под иконой. Он сидел на печи в хомути, да в зеркало смотрел" (АКНЦ 73: № 241. Пудожский р-н, 1974).

В своей повседневной практике крестьянин довольно часто обращается к переднему, а то и ко всем четырем углам избы. Кланяясь на закате солнца по направлению каждого из них, он нередко просит у мифической силы прощения за свои возможные прегрешения. Обращение к домовому, выраженное вербальными формулами, он подкрепляет адекватными акциональными средствами, разложив по всем четырем углам предназначенный мифическому существу "относ"-угощение: «Потом к колдуну ездили, да потом *по всем углам* наклали, вот *в каждый уголок* и чаю, и сахару, и вот: "Вот тебе, домовый хозяин, гостинца"» (Там же 84: № 73. Прионежский р-н, 1975). Такой же "относ" кладет по всем четырем углам и вошедшая в дом новобрачная: "... щепоточек сахару, три-четыре чайники. Возьмет не возьмет – его дело" (Там же 149: № 72. Кондопожский р-н, 1979). Характерно, что при этом молодая обращается с приговором к домовому, чтобы он принял и поил-кормил ее.

Актуализируется роль углов, особенно переднего, или красного, и в том случае, если домовая в новом жилище не "создается" посредством соответствующего обряда, а лишь приглашается из старой избы. Так, исполняя при переселении обряд перехода в новое жилище, крестьянин вносит в избу петуха и дежу с тестом в качестве эманаций домового и помещает их, как один из вариантов, именно в красном углу (*Шейн* 1902: 334). Приглашая посредством вербальной семантической формулы духа-хозяина, он опять-таки обращается к переднему углу. Крестьяне и молясь при этом Богу, блюститель обряда особенно не отличает его от локализованного здесь же домового.

Наряду с актуализацией переднего угла в этом случае наблюдается и ритуал почитания четырех углов. Входя в новую избу, старшая в доме обносит по всем углам, ненадолго задерживаясь в каждом из них, некое средоточие духа-хозяина: например, покрытый скатертью горшок с углями, взятыми из старого жилища. При этом хозяйка как бы выпускает, вытряхивает его по углам в новом доме, равно как и в некоторых иных локусах (*Афанасьев* 1994: 115; *Сахаров* 1849: 54–55). Акциональные элементы обряда вхождения в новый дом, спроецированные в данной версии на каждый из углов избы, обычно сочетаются с вербальными: «Раньше в новый дом входили и кланялись домовому: "Хозяин с хозяйшкой! Благословите в дом войти". Стары-то старухи ходили ведь, знали. Спрашивались. *В каждом углу* кланялись. Спрашивались» (АКНЦ 109: № 73. Беломорский р-н, 1977). Или: «Как приедешь, дак поклонись во все углы, что: "Домовой хозяин, домовая хозяйка, ваши детки, бабки, прадедки, пустите ночевать"» (Там же 73: № 115. Пудожский р-н, 1974). Причем этот обряд начинается с поклонения *первому* углу: «Ну и приходишь – и в первый угол, в тот, потом в тот угол, на третий раз потом в этот, потом ... кланяешься да бросаешь, кланяешься да бросаешь (жито), да даваешься у хозяина: "Дом домовый, хозяин дорогой..."» (Там же 73: № 141. Пудожский р-н, 1974).

К углам избы приурочивается и окказиональный, а может быть, и некогда регулярный исполняемый обряд обновления, воссоздания домового. Потребность в его совершении возникает в том случае, если магическая сила духа-хозяина почему-либо идет на убыль, а то и вовсе иссякает или в данное жилище вторгается чужой, отнюдь не заботящийся о поселившихся здесь людях домовый. Чтобы преодолеть кризисную ситуацию, хозяйка режут петуха, выпускают его кровь на голик, а затем обметают им все углы избы и двора (*Покровский* 1874: 105). Таким способом в очередной раз возобновляется акт принесения строительной жертвы и первотворения духа жилища. Воссозданный или обновленный посредством этого обряда домовый опять предстает в полноте своих магических сил. Теперь он способен изгнать и "лихого" чужака, восстановить едва не утраченное "домашнее счастье". Углы задействованы и в обряде умирения домового, который причиняет беспокойство жильцам: «Уздой там на ули-

це похлыстал по углам, да этима батожкамы там... – "Тя боле пугать не буде"» (АКНЦ 73: № 88. Пудожский р-н, 1974). Аналогичные меры предпринимаются и в отношении внутренних углов дома.

Совершенно очевидно, что в мифологических рассказах и поверьях красный, или передний, угол служит концентрированным выражением семантики всех четырех углов, лишь в редких случаях уравниваясь по своей значимости со всеми остальными углами. О соотносительности красного угла с другими углами крестьянской избы свидетельствуют некоторые из обрядов жизненного цикла. Так, например, новорожденному на время клали в *красный угол*, а затем, уже ночью, старшая в доме женщина обращалась ко всем четырем углам с просьбой, имеющей целью приобщить младенца к домашним духам: "Хозяин с хозяйшкой, с малыми детушками и семеюшкой, прими-те нашего новорожденного, храните и холите, берегите его" (Логинов 1993: 50).

Вместе с тем, принесение строительной жертвы было некогда связано не просто с углами, но с *угловыми столбами*, что в первую очередь зафиксировано у так называемых первобытных народов. Например, в североамериканском индейском племени гайда убивали рабов, чтобы зарыть их останки *под угловые столбы* нового здания (Зеленин 1937: 13). Аналогичные случаи принесения строительной жертвы приводит Э. Тэйлор: в яму, предназначенную для *первого столба* жилища, как и целой деревни, опускали человеческую жертву, которую устанавливаемый в этой яме *столб* раздавливал насмерть. По некоторым сведениям, подобный обряд приурочивался к юго-восточной части сооружения (Тэйлор 1939: 61–62). О связи строительной, на этот раз животной, жертвы со *столбами* свидетельствуют и якутские материалы: при постройке юрты было принято обмазывать *главные*, служившие основой, *столбы* конской кровью и кумысом (Маак 1887: 111; Зеленин 1937: 29). Соблюдая подобный же обряд, нивхи после постройки дома обмазывали кровью, извлеченной из сердца задушенной собаки, пупок идолов, в которых воплотились мужской и женский духи Кок, обитающие в *двух верхних столбах* зимнего жилища (Крейнович 1930: 49; Зеленин 1937: 29). Мало того, о соотносительности обряда принесения строительной жертвы (в данном случае ритуального захоронения коня) со *столбовой* конструкцией культового места свидетельствуют и археологические материалы, обнаруженные на Ильинском раскопе в Великом Новгороде (Миронова 1967: 215, 217, 224, 225). Связанные с такими столбами архетипы, действуя через подосознание, вовлекли в свою орбиту и семантически близкие представления об углах крестьянской избы, давно изжившей признаки преемственности со столбовым жилищем.

Наблюдаемая в народном творчестве, вербальном и изобразительном, персонификация углов в срубной постройке восходит к мифологическим представлениям о столбовом жилище, модель которого формировалась на территории Европы начиная с эпохи неолита. В древнерусском жилище полуземляночного типа столбовая конструкция стен применялась еще в VIII – первой половине X в. Причем в качестве *столбов* в углах постройки стояли *круглые бревна* (Раппопорт 1975: 119), связанные, в частности, с почитаемыми деревьями, в которых обитали духи, а может быть, и с жертвой, под ними зарытой. Такое жилище в каком-то виде дошло до нас в южнорусской и украинской традициях. Впрочем, реликты столбовой постройки обнаруживаются и в севернорусских деревнях, и прежде всего в конструкции скотных дворов, отчасти сохраняющих те архаические черты, которые ранее были присущи самому жилью. Касаясь попутно семантики подобных столбов при рассмотрении изображения дома в русской волшебной сказке, В.Я. Пропп приводит в качестве доказательства один из мифов североамериканских индейцев. Герой строит дом, передние и задние столбы которого – мужчины. Два передних столба держат на себе продольные балки, имеющие облик змей. Задние же столбы покрыты поперечной балкой в виде змеи или волка. Когда дом был построен, столбы ожили, балки зашевелили языками. Если в дом входил злой человек, то столбы-мужчины оповещали об этом – и балки-змеи его тот-

час же убивали (*Пропн* 1946: 49). В этом зооантропоморфном жилище столбам, стоящим в его четырех углах, приписываются человеческие свойства. Фотография "прототипа" подобных столбов у индейцев северо-западного побережья Северной Америки сделана и опубликована Ю.П. Аверкиевой (*Аверкиева* 1959: 259). На снимке можно видеть один из четырех опорных столбов разрушенного дома, имеющий скульптурно обработанные антропоморфные очертания и генетически связанный с тотемными столбами.

Созданный пластическим "языком дерева" аналогичный антропоморфный столб многократно представлен, как уже говорилось, во внешних и внутренних формах русского народного жилища. Не случайно зодчие различают в столпе собственно столп (голомя, колонна), подножье (изножье, стойло, основание) и оглавок (очелье, овершие, оглавые, оголовок) (*Даль* 1991: 327). Такой столп/столб узнаваем даже в очертаниях деревянных крестов с признаками языческой скульптуры, некогда стоявших в крестьянской усадьбе. Деревянный "болван", или бог-идол, дублируется и в "куклах без лица", или в "столбиках с головой", называемых в архаических традициях "*четырёх углов опорой*" и восходящих, по мнению исследователей, к эпохе палеолита (*Абрамова* 1966: 70–83; *Чекалов* 1973: 31, 33). Есть некоторые основания считать, что подобные "столбики с головой" могли в какой-то мере сохранять мифологическую функцию тех столбов, которые некогда подпирали древнее жилище. Не исключено, что семантика подобных столбов-идолов-богов, в значительной мере уже утраченная, реконструируется из ветхозаветной Книги пророка Исаии: «Плотник [выбрав дерево], протягивает по нему линию, остроконечным орудием делает на нем очертание, потом обделяет его резцом и округляет его, и выделяет из него образ человека красивого вида, чтобы поставить его в доме... И из того же делает бога, и поклоняется ему, делает идола, и повергается перед ним... и молится ему, и говорит: "спаси меня, ибо ты бог мой"» (Иса: 44. 13, 15, 17).

Впрочем, столбы, в декоре которых закодирован некий мифологический смысл, известны и на русской почве. Это, например, две колонны, обнаруженные археологами "в условиях вторичного залегания". Украшенные плетеным орнаментом с изображением в одном случае грифона с телом барса и "кентавра" (сфинкса?) с таким же телом, а в другом – с изображением стилизованного дерева, они были использованы как плахи под нижний венец дома, построенного в XI в. (*Колчин* 1971: 24).

Таким образом, модель почитания четырех углов, основанная преимущественно на представлениях о принесении строительной жертвы, на каком-то этапе сомкнулась в мифологическом сознании, а скорее, в подсознании с поклонением четырем столбам, осмысляемым в качестве идолов и играющим важную конструктивную роль в древней постройке. Эта стыковка проявилась в различных видах народного искусства, вербального и изобразительного, вследствие чего углы традиционной крестьянской избы стали одухотворяться и персонифицироваться. Они осмысляются как объемно-пространственные локусы, в которых может появиться и действовать мифический "хозяин", покровительствующий/не покровительствующий живущей здесь семье. Не случайно на эти локусы в значительной степени спроецирована мифоритуальная практика крестьянина. Их сакрализация со временем реализуется и в размещении по углам постройки икон, что засвидетельствовано и быличками, бывальщинами: "А по углам иконы висели. Я помолилась. Все вокруг перекрестила. Больше не пугало" (АКНЦ 54: № 270. Терск. Мурманская обл. 1964). Тот же эффект достигается и в локализации в них "по ангелю", о чем говорится в одном из заговоров: "Наша изба о четыре угла, / Во всяком углу по ангелю стоит" (*Иваницкий* 1890: 140).

Источники и литература

- Абрамова* 1966 – *Абрамова З.А.* Изображения человека в палеолитическом искусстве Евразии. М.; Л., 1966.
- Аверкиева* 1959 – *Аверкиева Ю.П.* К вопросу о тотемизме у индейцев северо-западного побережья Северной Америки // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиоз-

- ных верований. М., 1959. С. 250–265 (Тр. Ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Нов. сер. Т. LI).
- АКНЦ – Архив Карельского научного центра РАН. Первая цифра обозначает номер коллекции, вторая – номер текста в ней. Материалы записаны в 60–90-е годы XX в. на территории Карелии: в Беломорском, Кемском, Кондопожском, Медвежьегорском, Прионежском, Пудожском районах. Анализируемые тексты записаны Н.А. Криничной, В.П. Кузнецовой, Т.С. Курец, М. Нигметовой, А.В. Окуновым, Н.Ф. Онегиной, А.Т. Пакконен, В.И. Пулькиным, А.П. Разумовой, Е.И. Русаковой, Т.И. Сенькиной, С.Ю. Тырч, О. Устинской, Е.Ю. Черных.
- Афанасьев* 1994 – *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу: В 3-х т. Т. 2. М., 1994.
- Бабаянц* 1977 – *Бабаянц Г.Н.* Поморские куклы "панки" // Этнография народов Восточной Европы. Л., 1977. С. 105–117.
- Байбурин* 2005 – *Байбурин А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Изд. 2-е. М., 2005.
- Балашиов* и др. 1985 – *Балашиов Д.М., Марченко Ю.И., Калмыкова Н.И.* Русская свадьба. М., 1985.
- Балов* 1891 – *Балов А.* Следы древних верований в народном иконопочитании // Живая старина. 1891. Вып. 3. С. 218–222.
- Бломквист* 1956 – *Бломквист Е.Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (Поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнославянский этнографический сборник: Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. М., 1956. С. 3–458 (Тр. Ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Нов. сер. Т. XXXI).
- Богатырев* 1916 – Верования великоруссов Шенкурского уезда (Из летней экскурсии 1916 г.) / Собрал и записал П.Г. Богатырев // Этнограф. обозрение. 1916. № 3–4. С. 42–80.
- Бондаренко* 1890 – *Бондаренко В.* Поверья крестьян Тамбовской губернии // Живая старина. 1890. Вып. 1. С. 115–121.
- Вишневецкая* 1981 – *Вишневецкая В.М.* Резьба и роспись по дереву мастеров Карелии. Петрозаводск, 1981.
- Габе* 1955 – *Габе Р.М.* Интерьер крестьянского жилища // Архитектурное наследство. 1955. № 5. С. 81–100.
- Даль* 1957 – *Даль В.И.* Пословицы русского народа. М., 1957.
- Даль* 1991 – *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. Т. 4. М., 1991.
- Дмитриева* 2006 – *Дмитриева С.И.* Очерк этнокультурной истории Архангельского Поморья // Мировоззрение и культура севернорусского населения. М., 2006. С. 3–68.
- Зеленин* 1937 – *Зеленин Д.К.* Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. М.; Л., 1937.
- Зеленин* 1991 – *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М., 1991.
- Иваницкий* 1890 – *Иваницкий Н.А.* Материалы по этнографии Вологодской губернии // Сб. сведений для изучения быта крестьянского населения России. М., 1890. Вып. 2. С. 1–234. (Изв. Имп. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 69: Тр. этнографического отд. Кн. 11. Вып. 1).
- Иваницкий* 1898 – *Иваницкий Н.* Сольвычегодский крестьянин, его обстановка, жизнь и деятельность // Живая старина. 1898. Вып. 1. С. 3–75.
- Колчин* 1971 – *Колчин Б.А.* Новгородские древности: Резное дерево. М., 1971 (Археология СССР: Свод археологических источников. Е1–55).
- Колчин, Хорошев* 1978 – *Колчин Б.А., Хорошев А.С.* Михайловский раскоп // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978. С. 135–173.
- Кобырин* 1900 – *Кобырин Н.* Суеверия крестьян села Песчаного Пудожского уезда // Олонецкие губернские ведомости. 1900. № 134. С. 2.
- Крейнович* 1930 – *Крейнович Е.А.* Собаководство у гиляков // Этнография. 1930. № 4.
- Криничная* 2001 – *Криничная Н.А.* Русская народная мифологическая проза: Истоки и полисемантизм образов. Т. 1: Былички, бывальщины, легенды, поверья о духах-"хозяевах". СПб., 2001.
- Куликовский* 1888 – *Куликовский Г.И.* Иванов день в селении Кузаранде Петрозаводского уезда // Олонецкие губернские ведомости. 1888. № 54. С. 515–517.
- Логинов* 1992 – *Логинов К.К.* Интерьер крестьянской избы в обрядности и верованиях заонежан // Заонежский сб. Петрозаводск, 1992. С. 98–117.

- Логинов 1993 – Логинов К.К. Семейные обряды и верования русских Заонежья. Петрозаводск, 1993.
- Маак 1887 – Маак Р. Виллойский округ. III. Б.м., 1887.
- Маковецкий 1962 – Маковецкий И.В. Архитектура русского народного жилища: Север и Верхнее Поволжье. М., 1962.
- Максимов 1903 – Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903.
- Машкин 1862 – Машкин. Быт крестьян Курской губ. Обоянского уезда // Этнограф. сб. V. СПб., 1862.
- Медведев 1978 – Медведев А.Ф. Усадьбы ростовщика и ювелира в Старой Руссе // Археологические открытия 1977 г. М., 1978. С. 23–24.
- Миронова 1967 – Миронова В.Г. Языческое жертвоприношение в Новгороде // Сов. археология. 1967. № 1. С. 215–227.
- Никифоровский 1897 – Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах/Собрал в Витебской Белоруссии Н.Я. Никифоровский. Витебск, 1897.
- Ордин 1896 – Ордин Н.Г. Свадьба в подгородных волостях Сольвычегодского уезда // Живая старина. 1896. Вып. 1. С. 51–121.
- Покровский 1874 – Покровский Н.А. Из истории народного двоеверия // Изв. Имп. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. XIII. Тр. этнографического отд. 1874. Кн. 3. Вып. 1. С. 105–108.
- Протп 1946 – Протп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946.
- Раппопорт 1975 – Раппопорт П.А. Древнерусское жилище (VI–XIII вв. н.э.) // Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975. С. 104–155.
- Рыбаков 1953 – Рыбаков Б.А. Искусство древних славян // История русского искусства. В 13 т. Т. 1. М., 1953. С. 39–92.
- Рыбаков 1987 – Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987.
- Сахаров 1849 – Сахаров И. Сказания русского народа. Т. 2. Кн. 7. СПб., 1849.
- Седов 1957 – Седов В.В. К вопросу о жертвоприношениях в древнем Новгороде // Кр. сообщ. о докладах и полевых исследованиях Ин-та истории материальной культуры. Вып. 68. М., 1957. С. 20–30.
- Слудняков 2005 – Слудняков А.О. О времени распространения красного угла в крестьянских избах Северо-Запада России // Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона. Петрозаводск, 2005. С. 254–260.
- Слудняков 2006 – Слудняков А.О. Стол и красный угол в интерьере крестьянской избы Северо-Запада России и Верхнего Поволжья // Этнограф. обозрение (далее – ЭО). 2006. № 5. С. 86–100.
- СРЯ 1981 – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 8. М., 1981.
- Суворов 1863 – Суворов Н.Н. О коньках на крестьянских крышах в некоторых местах Вологодской и Новгородской губерний: Письмо Н.Н. Суворова к В.В. Стасову // Изв. Имп. Археологического об-ва. СПб., 1863. Т. 4. Вып. 2. Стб. 170–172.
- Сумцов 1880 – Сумцов Н.Ф. О славянских народных воззрениях на новорожденного ребенка // Журнал Министерства народного просвещения. 1880. № 11. Отд. 2. С. 68–94.
- Толстой 2003 – Толстой Н.И. "Без четырех углов изба не строится" // Толстой Н.И. Очерки славянского язычества. М., 2003. С. 269–282.
- Топорков 1985 – Топорков А.Л. Происхождение элементов застольного этикета у славян // Этнические стереотипы поведения. Л., 1985. С. 223–242.
- Топоров 1980 – Топоров В.Н. Квадрат // Мифы народов мира. В 2-х т. Т. 1. М., 1980. С. 630–631.
- Тэйлор 1939 – Тэйлор Э. Первобытная культура. М., 1939.
- Цеханская 1997 – Цеханская К.В. Икона в русском доме // ЭО. 1997. № 4. С. 71–84.
- Чекалов 1962 – Чекалов А.К. Мебель и предметы обихода из дерева // Русское декоративное искусство. Т. 1. М., 1962. С. 12–56.
- Чекалов 1973 – Чекалов А.К. Народная деревянная скульптура Русского Севера. М., 1973.
- Шейн 1902 – Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, собранные и приведенные в порядок П.В. Шейном. В 3 т. Т. 3. СПб., 1902.
- Шеппинг 1862 – Шеппинг Д.О. Русская народность в ее поверьях, обрядах и сказках. М., 1862.